

Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века / Отв. ред. И.В. Власова. М., 2001. 848 с.

Если говорить о жанре работы, то авторский коллектив – группа ведущих специалистов Института этнологии и антропологии РАН – выбрал монографическое описание. Жанр этот традиционен, устойчив для нашего цеха, имеет множество сторонников и, естественно, свои достоинства и недостатки. Но именно он позволяет детально систематизировать и обобщить накопленные с XVIII в. результаты исследований Европейского (Русского) Севера, дать емкое комплексное этнографическое описание зафиксированных исторических, этнологических изменений в регионе.

Ни для кого не секрет, что одна из основных задач этнологии – постоянное пополнение фактических данных. Теоретическое же осмысление и обобщение напрямую зависят от достоверности и детальности фактического материала. Таким образом, именно описательный характер работы позволяет говорить о том, что она окажет несомненное влияние на развитие этнографической науки, так как содержит уникальные сведения и важнейшие методические принципы, положенные в основу полевых исследований.

С конца XIX в. этнографы и фольклористы стали говорить о необходимости «сплошного обследования» крестьянской культуры. Казалось, что развивающаяся в России промышленность разрушала сельскую общину и нарушала преемственность культурной традиции. Процесс разрушения и трансформации, переосмысления традиционной обрядности у разных народов и в разных регионах шел неравномерно, но с развитием капитализма он все более усиливался – это была общая закономерность.

Однако результат более чем вековой собирательской работы (в XX в.) показал, что традиционная культура сохраняется у тех самых поколений, которые считались неспособными воспринять ее. Несмотря на то что младшее поколение исследователей все фрагментарней и избирательней воспринимает элементы традиционной культуры, а время для ее активного усвоения удлиняется, традиционная культура, тем не менее, продолжает существовать. Грамотность, просвещение и повсеместное распространение средств массовой информации не только «не убили» традиционную культуру, но именно благодаря им может начаться новый этап в ее бытовании. Испытание временем, которое выдержала этническая культура, может служить аргументом в пользу возможности ее внедрения в современный быт, а многие ее элементы могут приобрести новые функции и войти в современную культуру.

Необходимо также помнить о том, что масштабы и интенсивность международных контактов любой национальной культуры в огромной степени зависят от степени включенности духовных ценностей нации в современные системы массового тиражирования и распространения информации. Наряду со СМИ, основными каналами мировых информационных агентств, Интернетом книге по-прежнему принадлежит одна из ведущих ролей в международном культурном обмене.

И рецензируемая монография может оказаться в этом смысле удачным, ярким, доступным путеводителем по истории традиций русского этноса. В этом ее скрытый прикладной потенциал, который трудно переоценить.

Авторам удалось главное: передать тот «вполне народный дух наших предков и физиономию, естественную и государственную, древней России»¹, которые, по мнению предшественников, сохранились именно на Русском Севере.

Помимо несомненной профессиональной значимости рецензируемого труда хочется подчеркнуть тот факт, что книги, подобные «Русскому Северу», помогают обывателю осознать большое познавательное и художественное значение этнической культуры своего народа, почувствовать вкус национального колорита традиционных обрядов. Они ставят вопрос о возможности трансформации элементов культурного наследия из сферы интересов узких специалистов и исследователей в плоскость возрождения интереса к своей народной культуре. А такое возрождение возможно не в последнюю очередь благодаря работам, подобным рецензируемой. В этом еще одно неоспоримое практическое значение книги «Русский Север».

Известно, что при определенных условиях те или другие обрядовые жанры могут как бы воскресать, становиться продуктивными и выполнять важные общественные функции. Так случилось с русскими причитаниями в годы Великой Отечественной войны, когда практически утраченная к началу XX в. традиция Русского Севера снова стала основной формой женского поэтического творчества, а возраст воплениц-профессионалок отнюдь не ограничивался средним и старшим. Экспедиции под руководством В.Г. Базанова и А.П. Разумовой фиксировали в 1942–1946 гг. причеты, созданные молодыми девушками и даже девочками, часто выдержанные в традиционных поэтических формах и с традиционными образами, порой восходящими к мифологическим, устойчивым формам (зачины: «Потяните-ка, ветры буйные, со всех четырех сторон...»²), но содержанием, отражающим конкретные исторический момент, мысли и настроения советских людей.

Монография «Русский Север» – это результат полувековой «научно-организационной деятельности» коллектива. Авторам удалось творчески использовать, систематизировать, переосмыслить, проанализи-

ровать более чем 200-летний исследовательский опыт по изучению Европейского Севера. Это и летописи, и свидетельства путешественников, побывавших на Севере, и материалы экспедиционных исследований предшественников. Собственные же экспедиционные и архивные изыскания авторов по изучению региона предпринимались с 70-х годов XX в. Преемственность в анализе материала обеспечивается тем фактом, что фрагментарные по периодам, районам, проблемам источники наконец-то получили давно ожидаемое обобщение, и тем кругом проблем и комплексом вопросов, которые с XVIII в. связаны с изучением этнографии русских: общность культуры на территориях расселения русского народа, этнокультурные связи при миграциях населения, осваивавшего земли, локальные варианты форм народной культуры в этнокультурных районах и соотношение местного (локального) с региональным (весь Русский Север) и общерусским. Все эти вопросы рассматриваются авторским коллективом во временной динамике заселения Вологодского края с древних времен (XI–XII вв.) до XX в.

Круг источников, привлеченных авторским коллективом сотрудников отдела русского народа Института этнологии и антропологии РАН и приглашенных в качестве авторов отдельных разделов сотрудников Российского этнографического музея (Санкт-Петербург) и Вологодского государственного педагогического университета, широк и разнообразен. Кроме этнографических данных авторы использовали достижения археологии, антропологии, диалектологии, истории. Это позволило выявить местную этническую историю и народную культуру, развитие севернорусской культуры и ее общерусских черт, этнокультурное районирование изучаемой территории и сопоставить их археологические, антропологические, диалектологические ареалы с этнографическими.

Самые ранние источники с X в. «видят» в «северных окраинах» «новоосвоенные» славянами земли и культуру населения с общерусскими (древнерусскими в X–XII вв.) чертами. А единство Севера уже на ранних исторических этапах позволяет выявлять закономерности севернорусской культуры.

Авторы подчеркивают, что колонизационный поток увлек и объединил в единую культурную среду славяно-русские и финно-угорские элементы, внутри которой образовывались отдельные культурные ареалы под воздействием исторических, экономических, демографических, этнических процессов. Но в целом быстрые ассимиляционные процессы, незначительные этносмещения привели к сложению здесь русского населения.

Природно-экономическое разнообразие и различный характер этнической истории предопределили появление трех специфических зон – районов Вологодской земли. В западной зоне взаимодействия славян с западнофинскими группами населения сформировался значимый финский компонент, произошло вымывание «чистого славянского типа» из облика населения. В центральной зоне пересеклись пути новгородского и ростово-суздальского колонизационных потоков с местным финно-угорским населением и в характере и облике населения преобладали славянские черты, а «чудь заволоцкая» утратила свои облик и культуру. В восточной зоне сомкнулись интересы славян и восточнофинских групп и местное население обладало чертами и тех, и других.

По мнению авторов, границы антропологических, диалектологических, этнографических ареалов не всегда совпадают, но основные очертания таких этнокультурных зон прослеживаются. Подтверждение тому – этнографическое районирование Вологодской земли, намеченное в книге на основе народной культуры вологодского населения. Природные особенности, степень освоения территории, разные хозяйственные занятия, словесные и антропологические отличия, сопоставление районирования с ареальным делением по разным признакам и формам народной культуры: по культуре поселений, наличию типов народного жилища, народной земледельческой культуре, распространению земледельческих орудий, локальным вариантам народного костюма – мужского и женского, народной кухне – повседневной, праздничной, обрядовой, семейно-брачным отношениям, народному искусству – все это подчинено в работе единому зональному различию по шкале – центр, запад, восток. При этом локальные варианты говорят не только о приспособленности к каждой природной зоне, но и об общности районов Вологодской области, и общерусских чертах обрядовой жизни России.

Среди основных научных проблем, заключенных в исследовании, особенно примечателен поиск более конкретных методов, способов и приемов анализа фактического материала, включаемого в орбиту исследования. Весьма актуальными показали себя подходы, связанные с использованием познавательных методов языкознания в интересах изучения культуры. К примеру, эффективными оказываются историко-генетические и ареальные подходы при реконструкции древних элементов славянской культуры (обрядовых, фольклорных, социально-бытовых), поскольку это позволяет идти от частных локальных систем к более широкому, зональному и далее.

Как квинтэссенция многолетнего изучения региона, работа представляет собой историко-этнологическое исследование этнической истории, материальной и духовной культуры, традиционных социальных институтов и норм, этнического самосознания, региональной специфики Европейского Севера. Исторические рамки, богатый эмпирический материал, широкая историкографическая база позволили авторам провести также глубокий контекстуальный анализ различных этапов и элементов национальной истории

и культуры народов Европейского Севера, проследить их генезис и эволюцию, тесное единство с остальными северными территориями, взаимовлияние и взаимообогащение материальной и духовной народных культур соседствующих в регионе народов.

Авторский научно-исследовательский интеллектуальный потенциал и высочайший профессионализм редакторской работы, обеспечивший прекрасный стиль изложения без неоправданного наукообразия, а также справочный материал сделали работу доступной не только для профессиональных этнологов, но и для любого заинтересованного в вопросе читателя, – вот те положительные моменты, которые мы в последнее время должны констатировать при характеристике коллективных работ сотрудников Института этнологии и антропологии РАН. И все эти моменты без исключения еще раз продемонстрированы в монографии «Русский Север».

Как мы уже упоминали, принципиальное значение для работы в целом имеет авторская концепция культурной целостности, общности Севера как региона, объединившего в тесном взаимодействии славянские и финно-угорские народы. Истоки этой общности авторы видят в единстве исторического и социально-экономического развития народов начиная с XII в. – начала проникновения сюда славянского компонента, где этническое становится лишь следствием хозяйственных и бытовых связей.

Особое теоретическое звучание приобретает изучение разнохарактерного общения народов между собой, результатов этого этнокультурного общения, вопроса о бытовавших и переносимых в другие земли культурных традициях.

В этой связи особое значение приобретает проблема распространения и утверждения русской народной культуры, ее консолидации, общности и формирования локальных особенностей. История славянского освоения Севера позволяет ярко и наглядно освидетельствовать эти процессы, а эмпирические выкладки в свою очередь позволяют авторам фундаментального исследования выстроить интересные теоретические обобщения.

И авторы констатируют, что основная глобальная цель исследования, проведенного в данном труде, связана именно с изучением проблемы общерусской народной культуры и роли севернорусского населения в этом процессе. Цель была достигнута – перед нами не просто исследование региональных особенностей единой в своей сущности русской народной культуры, но еще и исследование межрегиональных, межэтнических контактов и взаимосвязей, отразивших как различия, так и общность в ее отдельных компонентах.

Если систематизировать подход авторов к изучению этих сложнейших моментов этнографии русских, то мы получим три основных блока вопросов, сформулированных в лучших методологических традициях отечественной этнологии: во-первых, общность культуры на всей территории, заселенной русскими, во-вторых, этнокультурные связи при миграции населения на новые территории, в-третьих, локальные варианты народной культуры и соотношение локального, регионального и общерусского. Именно эти проблемы и стали идейным стержнем, на который нанизывались этнографические, археологические, антропологические, диалектологические, исторические разноаспектные данные по этнографии Русского Севера.

Материал разбит на 13 глав. При всей условности предложенной группировки материала она имеет определенные основания.

Глава первая – «Этническая история и формирование населения Русского Севера» (И.В. Власова) является установочной для работы в целом. В ней помимо углубленного исследования этноисторического развития русских, народных миграций и освоения Европейского Севера формулируется та триада единства локального, регионального и общерусского, которая камертоном звучит во всех последующих главах. Несомненное достоинство главы – богатейший статистический, демографический, фольклорный материал. Особого интереса заслуживает исследование отражения народных миграций в топонимии, на основе которой выстраиваются пути движения населения, а, следовательно, межэтнические контакты населения, взаимодействие культур.

Глава вторая – «Сельские поселения в центральных районах Русского Севера» (И.В. Власова) освещает ту часть историко-культурных ареалов на территории Севера в XIX–XX вв., которая касается поселений и их типологии. Детальное, поэтическое, но при всей стилистической лиричности строго академическое исследование типов, форм и группировки поселений позволяет увидеть всю региональную специфику, всю трансформацию или незабываемость традиций русских сельских поселений в регионе.

В главе третьей – «Население центральных районов Русского Севера» (И.В. Власова) дается описание историко-культурных зон Русского Севера, степени освоения территории и численности населения, его сословного состава, этнических и профессиональных различий. Описание дано в лучших традициях отечественной этнологии и помимо значимости для данного издания имеет собственную исследовательскую ценность. Региональные различия часто имеют глубинные причины и корни. В этой связи детальное исследование какой-либо этнокультурной специфики локальной общности представляет несомненный интерес.

Весьма удачным оказалось привлечение в данном случае демографических данных. Если в главе об этнической истории представлены демографические и статистические данные по расселению и численности русских с конца XVIII и до начала XX в., то в главе «Население...» порегиональная численность, размещение, концентрированность и движение населения, миграционные и ассимиляционные процессы даются в историческом контексте с выходом на политическую и социальную зависимость или последствия.

Представляя историко-этнографическое изучение русских регионов, авторы делают особый акцент на «распространение и утверждение русской народной культуры в общей динамике исторического процесса» (с. 4). Севернорусское население как участник формирования и консолидации русского народа, как средоточие локальных особенностей, привнесенных переселенцами и сформировавшихся в результате взаимопроникновения традиций переселенцев из разных областей, регионов, демонстрирует высокую степень концентрации переплетенных между собой элементов этнокультурного облика автохтонного населения с традициями и культурой переселенцев.

Выявляя специфику постоянного общения народов между собой, итоги данного этнокультурного многоаспектного общения народов, его динамику, результаты, которые и сублимируются в народные культуры, авторы совершенно правомерно выделяют на Севере несколько историко-этнографических областей, наиболее крупных из которых – севернорусская, карельская и коми-область.

Ставится и решается задача по изучению проблемы распространения общерусской народной культуры и роли севернорусского населения в этом процессе. И особенно радует тот факт, что удалось показать не просто региональные особенности русской народной культуры, но и «межрегиональные и межэтнические контакты и взаимосвязи» (с. 4), отразившие различия и общность ее компонент.

Говоря о хозяйственном освоении территорий (И.В. Власова), о севернорусской крестьянской усадьбе (И.В. Власова, А.А. Желтов), о севернорусском костюме (И.В. Власова, И.С. Слепцова), пище и утвари (Т.А. Воронина), т.е. в главах, посвященных материальной культуре русского народа, авторы также отказываются от статичного изложения предмета исследования, трактовки культуры как застывшего феномена. Напротив, существенное достоинство указанных глав – то, что народная культура показана в динамике. Она показана как явление с присущими только ей хронологическими этапами, особенностями, региональной спецификой и этнокультурными связями.

Трактовка материальной культуры не описательна, не замкнута сама на себе, но выявляет те повседневные хозяйственные и бытовые связи, те результаты трудовой деятельности по освоению евразийского континента, которые, став нормой постоянного этнического взаимодействия, выступают и ключевым моментом в понимании возникновения и существования многонационального государства.

В многоплановой блоке проблем, раскрывающей семейные отношения, быт и обрядность (И.В. Власова, Т.С. Макашина, Т.А. Листова, И.А. Кремлева), описательность, продиктованная жанром монографии, гармонично соседствует с теоретическими обобщениями. В главах раскрываются историческое значение и история формирования брака и семьи с ранних исторических периодов по 90-е годы XX в. Авторы дают типологию семьи, рассматривают нормы брачно-семейной жизни, свадебную обрядность, родственные и добрачные отношения, семейно-брачное право и семейно-имущественные отношения, межсословные и межэтнические браки, демографические аспекты семьи, рассматривают обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей, похоронно-поминальные обычаи и обряды.

Данный раздел также не оставляет в стороне соотношение локального, регионального и общерусского в описании севернорусского семейного быта, стремление рассматривать ту или иную область обрядовой деятельности не столько с точки зрения имманентных законов ее развития, сколько как составную часть всей системы этнической культуры, общей истории этноса.

Вновь собранные сведения о традиционной обрядности дали возможность уточнить типологию обрядовых действий и вербальных текстов, ареалы их распространения, выделить общие национальные и локальные их особенности, глубже и всесторонне исследовать проблемы межэтнических связей.

В главе 12, посвященной изучению религиозно-общественной жизни – представлениям и практике (Т.А. Листова), автор дает «живую картину народной религиозности», подходит к изложению этой важной темы не предвзято, деликатно, некатегорично. Говоря о несомненном проникновении православной веры в самые глубины народного сознания, автор не оставляет без внимания и противоречивые моменты христианизации, порой проводимой приказными методами, формирование неканонических представлений и обрядовых действий вокруг любого постулата церкви, бескомпромиссное понимание народом некоторых христианских положений, что становилось своеобразной особенностью народных традиций, собственного лица народа и т.д.

При этом исследуются система нравственных ценностей и внутрисемейные отношения, спроецированные на религиозные заповеди и противопоставляемые осмыслению и градации понятия греха. Можно только приветствовать это интересное и новаторское, свободное от догматизма осмысление важных вопросов народного религиозного самосознания, нравственного облика человека, развития веры.

Очень интересен и раздел по исследованию культурных ареалов по материалам народного искусства, в котором как отправные моменты анализируются вышивка Вологодского края и вологодские прялки (И.И. Шангина, И.М. Денисова). Авторы через историографический экскурс, анализ памятников и их распространение, персоналистический подход выявляют взаимовлияние культур проживающих в регионе народов, плотность расселения русских, степень влияния русской традиции на соседние народы, удельный вес западнофинского наследия в культуре русских западной части Вологодского края.

Монография содержит богатейший иллюстративный материал, который имеет не только вспомогательное, но порой и самостоятельное значение. Большая его часть предоставлена из личных архивов авторов.

Вместе с тем есть некоторые моменты, некоторые подходы и концепции, которые могут вызвать возражения.

При том детальном описании этнической истории и культуры Русского Севера, которое дают авторы рецензируемой работы, на наш взгляд, следовало бы выделить в отдельные главы проблемы обычного права, языковой специфики, фольклорного наследия. Сведения по этим вопросам, включенные в гл. 1, 3, 5, 8, 9–11, временами пунктирно, временами достаточно подробно и емко отражают и означенные положения, и потенциал, имеющийся у авторов по данным вопросам. Особенно много внимания уделяется авторами изучению устного народного творчества как необходимого звена в исследовании духовной жизни народа, отражающего не только уровень культуры его носителей, их эстетические запросы и веяния моды, но и духовный мир людей, их идеалы, нравственный облик, мировоззрение, среду, эпоху, сформировавшие их. Тем значимей было бы расширение имеющегося у авторов научного фактического багажа, объединение разрозненных данных в самостоятельные главы по обычному праву, языковой региональной специфике, по своеобразию устного народного творчества, музыкального фольклора, народного театра.

Также в исследовании, на наш взгляд, необходимо было бы уделить особое внимание этнографии города, который остался практически вне зоны внимания авторов. Этот факт, а также декларируемая авторами «неисчерпаемость» архивов по этнографии Русского Севера и совершенство полевой методики, продемонстрированные в исследовании, обрекают авторов на необходимость восполнить и этот пробел изданием, специально посвященным этнографии города Русского Севера, аналогичным по научной ценности рецензируемому.

Также, возможно, следовало дать в работе глоссарий регионализмов, что расширило бы вспомогательные возможности монографии для последующих исследователей региона.

Невзирая на некоторые недостатки, авторам удалось главное – показать единство Русского Севера, его общность, обусловленную не только происхождением населения, но «в значительной степени единством исторического и социально-экономического развития... с XVI в.» (с. 3).

Крестьянская культура показана через призму высокого уровня грамотности северян, высокого уровня развития правотворчества и правосознания. Пафос не декларативен, но подкреплен широким пластом письменных памятников и экспедиционных исследований.

Еще одной позитивной характерной чертой работы стало пристальное внимание к гуманистической роли культуры в современном мире, перспективе развития человеческой цивилизации, межэтнического бесконфликтного гармоничного сосуществования.

Данный труд – удача и всего авторского коллектива и, несомненно, непосредственно ответственного редактора д.и.н. И.В. Власовой, автора большинства разделов монографии. Это достойный вклад в дело формулирования национальной идеи, который тем ценней, что решение данной задачи не включалось авторами в круг исследовательских проблем. Это получилось само по себе. Отсюда – гармоничность, ненадуманность, неконъюнктурность и цельность результата.

Помимо научной значимости необходимо сказать о том чувстве, которое возникает по прочтении фундаментального исследования по этнографии Русского Севера. Это чувство сопричастности истории, когда и современность с ее каждодневными проблемами и заботами остается всепоглощающей реальностью, и остается простор для осознания удаленного от этой реальности прошлого.

Примечания

¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 198.

² Русская народно-бытовая лирика: причитания Севера в записях В.Г. Базанова и А.П. Разумовой. М.; Л., 1962. С. 51.